

Вячеслав Шостаковский:

«Найти себя в новой жизни»

Бывший ректор Московской высшей партийной школы, "*enfant terrible*" КПСС, вышедший из нее на XXVIII съезде, член Координационного совета Демократической платформы в КПСС, затем преобразованной в Республиканскую партию России (РПР), сопредседатель этой партии, а также один из лидеров Международного движения демократических реформ (МДДР) Вячеслав Шостаковский считает важнейшей целью своей деятельности в Фонде Горбачева помочь людям обрести место в новой жизни, научиться отвечать ее возросшим требованиям. Интервью, записанное 30 апреля 1992 г., провела Татьяна Ильина.

Т. И. Вячеслав Николаевич, вы входите в руководство сразу двух политических сил. Как они сочетаются?

В. Ш. Республиканская партия является коллективным членом Международного движения демократических реформ. Я подчеркиваю — международного, чтобы не путали с республиканским.

Т. И. У вас такое резкое размежевание?

В. Ш. На Учредительном съезде Российского движения демократических реформ в Нижнем Новгороде наша партия заявила, что приостанавливает свое членство в этой организации. Более того, на Координационном совете Республиканской партии накануне VI съезда народных депутатов России мы признали, что сейчас не может быть и речи о том, чтобы участвовать в деятельности РДДР.

Т. И. Почему?

В. Ш. Мы во многом не согласны со стратегией этого движения, с очевидным стремлением превратить его в новую политическую партию. Непонятна позиция РДЦР по отношению к Международному ДЦР: на съезде долго обсуждалось, входить в него или нет, были попытки поставить какие-то условия...

Нас не устраивало и проявившееся на съезде стремление Г. Попова стать единоличным руководителем этого движения. Он выступил против сопредседательства, а мы считаем важным иметь именно такое руководство в движении, объединяющем отдельных людей и коллективных членов самой разной политической ориентации. Разумнее, чтобы эти разные ориентации находили отражение в институте сопредседательства и мы имели бы некий баланс интересов; единоличное руководство дает возможность отсекалть всякое политическое инакомыслие.

Вспомните, к примеру, заявление, которое сделал Верховному Совету России Попов не только как мэр столицы, но и как председатель РДДР

по поводу возможных митингов и демонстраций в Москве 17 марта этого года. Мы в принципе не согласны были с такой жесткой постановкой вопроса, не допустили бы подобной тональности. Есть еще целый рядстораживающих обстоятельств, например стремление все время скатиться в оппозицию.

Т. И. По поводу событий 17 марта: вы считаете, что «умалатовскому» съезду нельзя было противодействовать, надо было дать ему трибуну несмотря на его явную неконституционность?

В. Ш. Я считаю, что лучше было бы дать ему трибуну, допустить его на телеэкран и т. д. Такая широкая информация лишь способствовала бы его политическому саморазоблачению.

Т. И. А не рекламе, по крайней мере для некоторых?

В. Ш. Не думаю. Вообще всякого рода запретительные методы в политической сфере всегда действуют, как бумеранг. Определять, конституционен ли был этот съезд или нет,— это дело специального правового института, скажем Конституционного суда, но не мэра Москвы либо еще кого-то из исполнительной власти...

Т. И. Значит, ваши противоречия с РДДР в основном тактические?

В. Ш. Нет, не только. У нас принципиальные расхождения в оценке реформ. Мы считаем деструктивной идею Учредительного собрания. Мы отвергаем командный стиль руководства, всякие закулисные игры. Мы стараемся придерживаться демократических принципов и в Республиканской партии: сейчас она единственная, где сохраняется сопредседательство.

Т. И. То есть вы и В. Лысенко. А где С. Сулакшин? У него ведь по многим вопросам было особое мнение...

В. Ш. В связи с тем, что Сулакшин является представителем Президента в Томске, он сложил с себя обязанности сопредседателя согласно положению, которое требует, чтобы занявший эту должность приостановил членство в любой партии.

Что же касается особого мнения... Наша партия еще на Учредительном съезде заняла очень четкую позицию: права меньшинства мы рассматриваем не только как право создавать фракцию, выражать и отстаивать свою позицию, пропагандировать свою точку зрения, но и как право не выполнять решение, принятое большинством. Не препятствовать его выполнению — но и не выполнять. Такая уставная норма приводит человека в согласие с собственной совестью. Скажу прямо: иногда это создает некоторые трудности. Однако преодолеть их, я считаю, предпочтительнее не силовым давлением Устава.

Т. И. Республиканская партия проделала довольно извилистый путь от Демплатформы сначала внутри, а потом вне КПСС. Ее идеологические ориентиры значительно менялись. С чем это связано и каковы они сейчас?

В. Ш. Давайте вернемся к истории. Почему Демплатформа вызывала такую ожесточенную ярость верхов КПСС и ее аппарата? Ведь никакое другое течение не вызвало подобной реакции, не повлекло за собой появление Открытого письма и последующих мер вплоть до исключений из партии. Это происходило потому, что Учредительный съезд Демплатформы, состо-

явшийся в январе 1990 г., ярко продемонстрировал социал-демократическую ориентацию части партии — и немалой части. А в соответствии с ленинско-сталинской традицией социал-демократы считались злейшим врагом на протяжении всей истории КПСС.

Выходя из КПСС на ее XXVIII съезде, мы в большой степени ориентировались именно на социал-демократическую идею. Но к Учредительному съезду РПР, который состоялся в ноябре 1990 г., проявила себя и другая тенденция, направленная на либеральные ценности. Я думаю, что одна из основных причин этого заключается в том, что многие люди, вышедшие из КПСС после XXVIII съезда (когда эта партия была еще сильна), оказались у себя на работе в дискомфортной ситуации. Не могу сказать, что сразу всех стали выгонять с работы...

Т. И. ...как вас, например...

В. Ш. Естественно снять с должности ректора партийной школы. Но и другие, в том числе рядовые, «выходцы» из КПСС тоже почувствовали себя неудобно. Таким образом значительное число демплатформовцев оказались в мелком и среднем бизнесе.

Т. И. И бытие определило сознание?

В. Ш. Именно. Точно по Марксу. Но это произошло не сразу. Люди стали глубже размышлять, и довольно долго в партии шла дискуссия по поводу ориентации. Мы решали: сохранять ли эту своеобразную «двугорбость», т. е. и либеральный «горб», и социал-демократический, или же определиться более четко. Ко второму съезду нашей партии, который прошел в 1991 г. незадолго до путча, мы почувствовали, что либеральная тенденция преобладает. Дискуссия завершилась тем, что второй «горб» как бы «усох», а первый подрос.

Т. И. А не тем, что второй «горб» отделился и ушел к О. Румянцеву в СДПР?

В. Ш. Нет, отделился и ушел, может быть, его небольшой кусочек — в основном в Москве и еще нескольких городах. Из него потом образовалась Социально-либеральная партия, вошедшая в блок «Народное согласие» (кроме нее там еще гдлянская партия и СДПР).

Т. И. Вы говорите: «гдлянская»... Множество образовавшихся в нашей стране партий до сих пор группируются скорее вокруг лидера, известного человека, нежели вокруг определенной идеи.

В. Ш. Да, и в этом наша беда. Возвращаясь к РПР, скажу, что в ее нынешней, либеральной, ориентации я не вижу ничего плохого и думаю, что мы будем ее придерживаться.

Мы пытаемся сформировать партию «модульного» типа, принципиально отличную не только от бывшей КПСС, но и от многочисленных ныне действующих партий. Она призвана озаботиться поиском согласия между различными политическими силами общества.

Т. И. Республиканская партия входит также в движение «Демократическая Россия», которое сейчас переживает трудный период. Весной его руководство раскололось, из него вышли такие авторитетные лидеры, как Ю. Афанасьев, Л. Баткин и М. Салье. Какова ваша позиция в этом конфликте?

В. Ш. Мы считаем конструктивной позицию той части «Демроссии», которая выступает в поддержку курса российского руководства на демократические реформы. Но мы за такую поддержку, которая сопровождалась бы созданием механизма влияния на корректировку правительственного курса. Такой механизм пытались создать...

Т. И. Вы имеете в виду подписание Б. Ельциным соглашения о сотрудничестве с представителями ряда политических партий?

В. Ш. Да, хотя из числа партий, подписавших в конце 1991 г. это соглашение, большая часть теперь находится в открытой и жесткой оппозиции к проводимым реформам. Но мы исходим из того, что есть возможность влиять на проведение правительственного курса на местах, через комитеты поддержки реформ. Может быть, эта возможность не так велика, как хотелось бы, но ее нельзя упускать.

Мы пытались — и в Республиканской партии, и в МДДР — предлагать правительству свои замечания в виде экспертных оценок. Я не знаю, воспринимаются ли, изучаются ли кем-нибудь эти оценки. К сожалению, обратной связи нет, этот механизм не действует.

Т. И. А что мог бы дать властям такой механизм? Только лишнее беспокойство?

В. Ш. На последней встрече с Ельциным я говорил о том, что недооцениваются регулярные контакты с партиями как источник информации, которую правительство никогда не получит через вертикаль исполнительной власти. По этой вертикали на стол руководству всегда будет попадать приглашенная, обработанная, препарированная информация, «не обманывающая» ожиданий. Это — особенность не только нашей бюрократии, но, по Паркинсону, бюрократии всего мира. Конечно, существуют средства массовой информации. Но именно партии могли бы давать, пусть под своим углом зрения, еще один, неоченимо важный блок информации о том, что происходит в российской глубинке.

Одна из бед российского руководства, как мне представляется, состоит в том, что оно по традиции, идущей от большевизма, недоучитывает колоссальные региональные особенности России. Как относятся к реформам тверской крестьянин, дагестанский горец, якут с Крайнего Севера, какими мотивами они будут руководствоваться, выстраивая свою линию поведения, — об этом никто не знает лучше партий. И это знание остается невостребованным. Руководство республики допускает, на мой взгляд, весьма опасную ошибку, если надеется, что все регионы России выстроятся дружной шеренгой и как один по команде зашагают в рынок. Позвольте мне в этом усомниться. Всегда регионы будут настроены по-разному, ведь одни будут преуспевать, другие — отставать, и не только из-за разных климатических условий, разной обеспеченности ресурсами, но и в силу различия традиций, конфессий, образа жизни, психологических установок и т. д. Все это толком не изучается и не берется в расчет, хотя тем, кто проводит реформы, чрезвычайно важно знать, как сработает тот или иной мотив.

Т. И. Почему не изучается? В академических институтах можно почерпнуть такую информацию.

В. Ш. Совершенно верно, но она не востребуется. Сейчас делается установка на стремление к благосостоянию. Но я встречаю множество людей, которые говорят: «да не нужно мне этого, дайте мне те 200 рублей, которые я получал, верните колбасу в магазины и оставьте меня в покое»

с вашим рынком». Такие люди клянутся, что никакого богатства им не нужно, они боятся рынка и тоскуют по патронажу государства. И руководство, строя свой расчет на той или иной рыночной мотивации, не знает, сработает она или нет.

Та же частная собственность на землю — это проблема, которую в разных регионах нужно решать по-разному. Как и приватизацию, ее нельзя вводить давлением, здесь нужен очень гибкий подход. К примеру, российское казачество никогда частную собственность на землю не примет. Там около 400 лет господствовала традиция общинного владения землей, и это не та крестьянская община, что была в отсталой России. Никогда казачий сход не передал бы землю по наследству от труженика-отца к пьянице-сыну.

Т. И. Но никто же и не заставит их насильно это принять. Ведь реформа предусматривает плюрализм форм собственности, в том числе и на землю.

В. Ш. Да, но надо бы с самого начала четко это оговорить. Пока об этом говорится недостаточно внятно. Скажем, что делать с частной собственностью на землю оленеводам Крайнего Севера? Или в степях Хакассии? Это пример в подкрепление мысли о необходимости учитывать региональные особенности России. Вот тут партии — и научные круги тоже — могли бы оказать правительству неоценимую помощь.

Т. И. А это, в свою очередь, активизировало бы работу партий и помогло бы становлению подлинной многопартийности, которой у нас как не было, так и нет...

В. Ш. Ситуация для создания нормальной многопартийности у нас крайне неблагоприятная, по крайней мере, по двум обстоятельствам. Во-первых, как я уже сказал, партии абсолютно не востребуются ни властями, ни обществом в целом. Более того, в общественном сознании господствует антипартийная установка — и она усиливается.

Т. И. Как реакция на бывшую КПСС?

В. Ш. Дело не только в этом. К сожалению, сейчас формируется негативное отношение к политике вообще, к политическим институтам, политическим деятелям, парламентариям... Они грызут друг друга горло, а жизнь все хуже и хуже.

Т. И. Как шутили года три назад, «одну КПСС мы еще прокормим, а сто — вряд ли...».

В. Ш. Вот именно. И есть второе обстоятельство, более фундаментального свойства: не сложились социальные страты, социальные группы с достаточно четкой системой интересов. Посмотрите, как ведут себя предприниматели. Некоторое время тому назад они готовы были оказывать финансовую поддержку кому угодно — на всякий случай. И «так называемым правым», и «так называемым левым», и «так называемому центру» (все у нас «так называемое», потому что лица четкого не имеет). И многопартийности не будет, пока не произойдет социальной дифференциации (а она может произойти только в результате глубокой экономической реформы), пока не исчезнет размытость интересов, которые, в сущности, сейчас сконцентрировались вокруг того, что можно купить и как это купить дешевле.

Т. И. А не вокруг того, каким образом выжить и где бы еще найти возможность подзаработать? Появляются и такие люди.

В. Ш. Меня это очень радует. По данным нескольких социологических исследований, таких людей оказалось в конце января—начале февраля около 60 процентов. Это — рыночная установка, это потенциал того самого будущего среднего класса, на который наша партия рассчитывает как на свою социальную базу. Причем они, как правило, квалифицированные люди, которые чувствуют, что смогут заработать, если им развяжут руки, создадут соответствующие условия. Но, с другой стороны, эти 60% представляют собой как потенциал среднего класса, так и потенциал, может быть, контрреформы — в том случае, если руки им не развяжут.

Ведь что произошло за годы перестройки? Раскрепощение сознания. Но не пришла свобода каждого конкретного человека — она вообще немыслима без частной собственности. Ведь мы кругом связаны: пропиской, стажем работы и т. д. Мы пока не граждане, мы подданные. Это совершенно очевидно, поэтому явно преждевременно говорить о том, что у нас демократия, что мы обрели гражданское самосознание.

Т. И. Вы говорили о том, что воспроизводится уравнильное сознание. Не кажется ли вам, что и прежняя политическая система тоже пытается воспроизвести себя, и это выражается не только в претензиях коммунистов на реванш, а и в поведении стоящих у власти? В конце концов, все они вышли из одной «шинели»...

В. Ш. Эта тенденция, безусловно, есть, но я бы не стал искать причину прежде всего в людях. Мне странно слышать заявления о том, что, скажем, Горбачев или Ельцин, или Кравчук развалили Союз. Вот такие, мол, богатыри, титаны...

Давайте все-таки поищем более фундаментальные причины того, что в несколько скорректированном виде воспроизводятся элементы прежней политической системы. (Более того, Попов, например, высказывал убеждение: для того чтобы разрушить старую командную систему, нужно создать новую командную систему, которая и займется ее демонтажом.) Я думаю, что основная причина — в монополии. Пока монополизирована экономика, может существовать и политическая монополия в виде царствующей партии или царствующих структур. Пока мы не получим мощного частного сектора в экономике, тенденция к воспроизводству монопольных структур в политической жизни будет сохраняться, какие бы лидеры ни стояли у руля.

Я сторонник конструктивной (предполагающей критику) поддержки нынешнего руководства и не сторонник того, чтобы его свергать, именно потому, что проводимые им реформы могут привести к разрушению монополизма в экономике, к появлению значительного числа собственников. Я не стою за бесплатную раздачу жилья: это — благо лишь для тех, у кого оно хорошее, а не для жителей «хрущоб». И тем не менее такие шаги позволяют людям обрести статус собственника, а после этого многие проблемы будут решаться совершенно иначе. Зачем Чечне надо будет отделяться, если там окажутся собственники, желающие разместить с выгодой свои капиталы в других регионах России?

Т. И. Вы за конструктивную критику правительства, Афанасьев и Баткин тоже за это. В чем же разногласие? В том, что они активно выступают против сращивания власти с коммерческими структурами? Но что же в этом плохого?

В. Ш. Ничего плохого. Однако я бы не стал идеализировать эту власть, даже допускать, что она может быть идеальной, а тем более не стал бы использовать такое допущение как метод политической борьбы. То, что происходит, обусловлено многими объективными причинами, и смена у

власти конкретных людей ничего не изменит (если, конечно, там не окажутся противники реформ).

Т. И. Как это уже не раз случалось в российской истории...

В. Ш. Надо задуматься: почему все же шанс реформировать это общество каждый раз не реализовывался. Ведь возникали такие ситуации, когда реформы почти становились явью. Почему же в российской истории многие реформаторы наступали на горло собственной песне и становились проводниками контрреформ?

Т. И. Вы разделяете точку зрения А. Янова на эту проблему, его теорию «веймарской России»?

В. Ш. Мне в этом плане ближе взгляды А. Ахиезера. Мне представляются глубокими и оправданными его рассуждения о том, что мы имели очень инерционное общество, расколотое, с манихейской идеологией и что эта инерционность срабатывала всякий раз, когда в обществе, традиционно не воспринимавшем инновации, возникала какая-то либеральная альтернатива развития.

Я думаю, что сейчас ситуация иная по сравнению с историческими аналогами. Сейчас работает такой новый и очень сильный психологический фактор в поддержку реформ, как историческая память.

У людей, и не только высокообразованных, в подсознании присутствует ощущение, что все уже было: мы испытали классовые схватки, объявляли войну дворцам, пережили гражданскую войну, раскулачивание, репрессии... Мне кажется, что историческая память сейчас работает на либеральный выбор. Кроме того, радикально изменилась глобальная ситуация: я не знаю в истории России другого периода, когда бы внешняя обстановка так благоприятствовала осуществлению внутренних реформ. Наоборот, всегда был какой-то внешний враг, который помогал сохранять ситуацию осажденной крепости. Сейчас, когда такого врага нет, некоторые лихорадочно пытаются его найти в образе таких акул империализма, которые налетят и все у нас растащат. Однако множество людей все же понимают, что этого врага нет.

Т. И. Не кажется ли вам, что для того чтобы историческая память работала в поддержку реформ, нужно достаточно развитое политическое сознание? Ведь когда оно в зачаточном состоянии, эта память может возродить в качестве ценностей и другие вещи: национальную идею, почвенничество, ложно понятую соборность... И вполне могут найтись политические силы, которые сумеют повернуть эти настроения в «красно-коричневое» русло.

В. Ш. Я не согласен с теми публицистами, которые окрашивают «патриотический» фланг сплошь в красно-коричневые цвета. В действительности он многоцветен.

Т. И. Вы, как и Ельцин, видите там «здоровые ростки»? А ведь из-за того, что у них общий враг (тот же Ельцин), они и выглядят одноцветными!

В. Ш. Во всяком случае, там нет полного единства, и коричневые тона среди них очень сильно преувеличены. Но там есть цвета другие: когда эти люди стояли у концертного зала «Россия» во время Собрания граждан Российской Федерации, они держали не только красные, но и Андреевские флаги, и черно-желто-белый царский штандарт. Я никак не могу назвать

М. Астафьева «красным» или «коричневым», хотя на VI съезде народных депутатов России он оказался в одном лагере с Ю. Слободкиным. Подобные метаморфозы связаны, по-моему, с заикленностью на одной проблеме, в случае М. Астафьева и В. Аксючица — на державности. Но вспомните, что о великой державе некоторое время назад толковал и Н. Травкин и даже устраивал митинг в ее защиту.

Когда люди собрались на Манежной площади и заявили, что они — вече, «верх демократии», который «в традициях» нашего отечества, я был поражен незнанием истории. Хотя бы организаторы митинга должны были это знать. Достаточно открыть В. Ключевского, чтобы прочесть, что из себя представляло то же Новгородское вече, с его столкновениями, драками... На вече никогда демократии не было, оно было собранием глав — глав семейств, кланов, какой-то социальной общности, — и шло соревнование возможностей этих глав: голосовых, социальной поддержки, экономического статуса и др. Это авторитаризм в чистом виде.

Как же эти люди не понимают, что выступая за вече, за соборность, также несущую в себе потенциал авторитаризма, они ратуют вовсе не за демократию, а за возврат в большевистское прошлое.

Если вернуться к «коричневым»... Вспомните, что черносотенное движение в России не было широко поддержано, а интеллигенция его отвергала полностью...

Т. И. Хорошо, что это была не сегодняшняя интеллигенция, в которой есть С. Аверинцев, но есть и И. Шафаревич, есть правозащитники, но есть и идеологи «Памяти»...

В. Ш. Это все отдельные люди или группки. Вообще в борьбе среди писателей, ученых я вижу больше групповщину, обычную для творческих коллективов. Мне кажется, что и в политической жизни у нас происходит нечто подобное: тоже не борьба партий, а борьба каких-то политических кланов, групп, за которыми, как подводная часть айсберга, скрыты определенные экономические интересы. Это, видимо, естественно для переходной ситуации, когда нет политического рынка.

Т. И. Однако вы, Вячеслав Николаевич, своей деятельностью в Фонде Горбачева, очевидно, способствуете и его формированию, и повышению политической культуры активистов новых партий. Ваша должность называется...

В. Ш. Директор Центра общественных знаний.

Т. И. Чем отличается теперешняя партийная учеба от той, которой вы руководили, будучи ректором Московской высшей партийной школы?

В. Ш. Разница принципиальная. Чему учили в МВПШ? Нормативным наукам. Что такое научный коммунизм? Это не наука, а нормативный курс, своеобразная инструкция, которая предписывала, как провести революцию, как строить общество, чтобы создать рай на земле. Такой же нормативный курс — партийное строительство...

Т. И. Вы пытались что-то изменить?

В. Ш. Я пришел в партшколу в 1986 г. и начал с попытки радикально переделать некоторые курсы, в первую очередь курс партийного строительства. Этот путь и привел меня в конце концов к разрыву с партией, потому что я глубже понял ее сущность, понял, что Ленин с самого начала проектировал

то, что и получилось: сектантскую партию профессиональных революционеров с особым стилем внутрипартийных отношений. Я понял, что в ней не только, по Оруэллу, есть «внутренняя» и «внешняя» партии, но что это вообще партия фракций, из которых самая прочная и надежная — политбюро. Я тогда пытался переделать курс истории КПСС, сделав его в большей мере курсом отечественной гражданской истории. Именно тогда в партшколу пришли новые, свежие силы, например историк С. Кулешов. Мы задались целью вообще радикально преобразовать систему партийной учебы, сделав ее открытой интересам общества. Еще в 1988 г. на совете ректоров я говорил, что в противном случае эта система обречена. Но тогда такие заявления воспринимались очень плохо.

Т. И. А «верхи» КПСС вам не противодействовали?

В. Ш. С ними сложности у меня начались в 1987 году. В апреле было совещание актива учебных заведений КПСС в связи с тем, что ЦК принял постановление о реформе этой системы. Я тогда воевал за часть здания школы. Старая часть здания, выходящая на Миусскую площадь, была построена еще до революции по инициативе генерала А. Шанявского, во многом на его сбережения и пожертвования московской интеллигенции как первый Народный университет в России. Там бесплатно преподавали и бесплатно учились. Это был очаг демократической культуры, где выступал, например, К. Тимирязев и учился С. Есенин.

И вот Е. Лигачев, курировавший тогда идеологию, принял решение: школе эти помещения не отдавать, аудитории разломать и устроить кабинеты, чтобы «поселить» там часть партийных журналов. Меня потрясло такое варварство, и я об этом сказал на совещании, что было воспринято как дерзость.

Потом пошли попытки реформировать школу, превратить ее в институт политических наук, создать нормальный курс политологии; наконец, я делал какие-то политические заявления, которые казались чересчур жесткими, и в результате стал в КПСС довольно одиозной фигурой.

И вот в начале 1989 г. у меня произошла резкая стычка с партийными властями на одном из пленумов Московского горкома КПСС. Идет закрытая часть пленума, обсуждается вопрос о тактике столичной парторганизации и горкома на предстоящих выборах народных депутатов СССР. Все выступающие раздражены тем, что победа Ельцина в национально-территориальном округе № 1 неотвратима. Раздаются призывы: обязать всех коммунистов столицы проголосовать против Ельцина и склонить к этому же членов своих семей.

Я не вытерпел, поднялся на трибуну и сказал, что надо считаться с реальностью, учиться искусству политического компромисса, что такое нелепое решение навсегда уронит и без того невысокий авторитет столичной парторганизации. И вообще мы сами создаем себе проблемы в виде пресловутых ста кандидатов на сто мандатов от КПСС...

Что уж такого особенного было в этих словах? Но тогда они прозвучали как вызов. Даже такой спокойный человек, как В. Зайков, взорвался, перешел на крик. Шум утих лишь после спокойного, взвешенного выступления Л. Абалкина в мою поддержку.

А после январского Учредительного съезда Демплатформы получилось так, что я оказался единственным партийным функционером, который там выступил. Реакция была такая. С января по май прошло четыре заседания парткома, на которых настойчиво, но неудачно пытались завести персональное дело против меня, чтобы выгнать с работы.

Т. И. А, кстати, вы знаете, как некоторые члены Демплатформы объясняли ваш приход в нее?

В. Ш. Знаю. Говорили, что агент ЦК выполняет задание.

Т. И. Вы как-то на это отвечали?

В. Ш. Обычно об этом шептались, но не говорили прямо. Лишь однажды это прозвучало на Координационном совете как аргумент в споре, но получило отпор моих товарищей.

Т. И. Кажется, спор шел о том, выходить ли из КПСС немедленно, и вы стояли за то, чтобы не выходить, а дожидаться съезда?

В. Ш. Совершенно верно. Я считал большой глупостью выходить из КПСС до ее съезда, на котором мы могли получить трибуну и заявить о своей позиции. Кроме того, если уж придется выходить из партии, так принародно, а не тайком.

Я теперь уже знаю, что в начале мая было принято решение о моем освобождении от работы, но Ю. Прокофьев предпочел не разжигать страсти: к тому времени некоторые крупные парторганизации Москвы уже явно ориентировались на Демплатформу. Мне неоднократно намекали, что все будет зависеть от того, как я поведу себя на съезде. А после моего выступления на съезде мне с курьером прислали из горкома бумажку, из которой я узнал, что перестал быть ректором МВППШ.

Т. И. Вернемся к нынешней политучебе.

В. Ш. Я бы не назвал ее политучебой, скорее, это информационно-ориентирующая деятельность. Мы даем слушателям объективную, основанную на достоверных источниках информацию о нормальной политической системе, о мировых политологических школах, о том, как функционирует парламентская партия, как действуют фракции в парламенте. Кроме того, мы даем и абсолютно деидеологизированные знания. Например, проводим тренинг, как политическому деятелю выступать по радио и телевидению, как держаться перед аудиторией и т. д.

Т. И. Сейчас вы работаете в Фонде Горбачева, а прежде были одним из самых жестких его критиков. Работе это не мешает?

В. Ш. Сотрудники Фонда, как мне кажется, собраны не по признаку политического единомыслия, а по совсем иному критерию: прежде всего от них требуется профессионализм. Скажем, А. Ципко, который возглавляет Центр политологических программ, очевидно, смотрит на многие вещи иначе, чем Горбачев.

Т. И. Ваш Центр существует на деньги Фонда?

В. Ш. Отчасти. Но мы и сами зарабатываем. За обучение своих активистов платят партии: Демократическая партия России и Народная партия «Свободная Россия» («партия Руцкого»).

Т. И. А члены вашей Республиканской партии здесь не обучаются?

В. Ш. Республиканцы пока не имеют денег. Вообще наш Центр готов работать с любой партией, которая нам заплатит, потому что, повторю, мы не несем никакой идеологии.

Т. И. Ваши преподаватели — те же, что работали в Институте обще-

слонных наук при ЦК КПСС, который здесь раньше размещался? Или сюда пришли другие люди?

В. Ш. Частично это преподаватели ИОН. Должен сказать, что они по своей квалификации, уровню подготовки значительно отличались от тех, что составляли костяк МВПС. Как правило, это люди со знанием иностранных языков...

Т. И. ...которые, работая с иностранцами, ввали, простите, поменьше...

В. Ш. Совершенно верно. Всю ту идеологическую муть, которую съедали наши слушатели, нельзя было скормить иностранцам, особенно представителям коммунистических и рабочих партий из развитых капиталистических стран. Здесь преподавали люди, которые так или иначе сталкивались с иным миром, читали иную обществоведческую литературу, анализировали...

Мы не избегаем и острых проблем, читаем, например, курс об экономической реформе. Я сам читаю лекции по политическим процессам в России. Это попытка объективно их проанализировать и дать людям ориентацию. Пока наши слушатели довольны. Сейчас мы готовы к тому, чтобы несколько специализировать обучение: создать группы с уклоном в экономику, с уклоном в то, что раньше называлось идеологической работой (как вести пропаганду, как грамотно провести подготовку к избирательной кампании и т. д.) и оргпарработой (конечно, в новом ключе).

Но мы не ограничиваемся активистами партий. Центр общественных знаний будет открыт для интересов всех структур формирующегося гражданского общества, для представителей законодательной и политической власти, всех секторов экономики. Мы будем проводить гибкие учебные модули с самыми различными категориями людей. Например, мы работали с учителями средних школ Северного округа Москвы, помогли им освоить новый сложный предмет «Человек и общество», с депутатами Пушкинского горсовета Московской области.

Мы откроем еще несколько направлений. Я очень хочу, чтобы здесь организовалось, в той жесткой конкуренции, какая сейчас есть в Москве, нечто вроде школы подготовки преподавателей для школ бизнеса.

Т. И. А у вас есть кадры, которые могли бы этому обучать?

В. Ш. Мы привлекаем таких людей отчасти в штат, а в основном для работы по контракту. Хотим приглашать специалистов экстра-класса, скажем, по банковскому делу, по налогам, по менеджменту, маркетингу. С преподавателями средней школы, если найдем для этого деньги, будем проводить двух-трехнедельные семинары по курсу «Человек и общество».

С будущего учебного года планируем открыть здесь школу юных политологов для старшеклассников Москвы. В ней можно было бы опробовать новые методики, а затем растиражировать их и разослать в университетские города Российской Федерации. В этом есть потребность, потому что давно уже пора озаботиться проблемой выращивания элитных групп, в том числе и новой политической элиты. Также, я думаю, мы откроем для юных школу — не предпринимателей, нет, — но с ориентацией на эту сферу деятельности.

Т. И. А вы думаете, нынешние молодые ребята нуждаются в такой ориентации? Судя по всему, они уже сориентировались, и быстрее всех...

В. Ш. Они сориентировались не на настоящий бизнес, не на настоящее предпринимательство...

Т. И. Ну, какова Анисья, такова и ботвинья...

В. Ш. Это верно, но помочь бы им надо.

Школам бизнеса я придаю большое значение. Множество людей сейчас растерялись: тот остался без работы, другой лишился перспектив... Чрезвычайно важно помочь им сориентироваться, выбрать для себя новую специальность. Я мечтаю воспроизвести у нас американскую практику заочного обучения самым разным вещам — от кройки и шитья до программирования на ЭВМ. У американцев есть фирмы, которые много лет этим занимаются, имеют разработанную методику, десятки программ, которые мы бы с охотой переняли. И это обучение должно быть доступно.

Т. И. Остается пожелать успеха обширным и благородным планам вашего Центра.

© Т. Ильина, В. Шостаковский, 1992